

ных в городе ресторанов).

В 1816 году дом купил Х. Д. Римман. В 1835 году его дочь вышла замуж за известного академического художника преподавателя рисования Тартуского университета Вольдемара Фридриха Крюгера (1807—1893), который прожил в этом доме со своей женой больше 60-ти лет. До конца прошлого столетия домом владели их наследники.

Список домовладельцев заканчивается именем Хермины Кийнаст, в 1939 году вместе со своей семьей уехавшей из Эстонии.

Дом интерес еще и тем, что у него сохранилась уникальная каминная труба, размеры ко-

й

телей на этот про-
10 лю-
еж-
рен-
орт-
по-
ж на-
три-
ла-
ний
ку-
исте-
али
но-
ере-
Ф.
по-
иль-
оил
оху-
ща-
яр-

торой составляют 4,40 на 4,40 метра. Можно полагать, что такие трубы до пожара 1775 года строились повсеместно. Между прочим, похожие каминные трубы частично сохранились в доме на улице Выймала, 8, на улице Лай, 14 и Кингисеппа, 74.

Работа тартуских реставраторов оставляет приятное впечатление: они сумели сохранить в облике дома дух старых времен. Теперь его «домовладельцем» станет Тартуский отдел республиканского реставрационного управления.

В конце заметки мне хотелось бы сказать о том, что на фасаде этого дома было бы желательно установить мемориальную доску в память о замечательном тартуском художнике, преподавателе ТГУ В. Ф. Крюгере.

РИХАРД БЛОМЕРИУС

Фото Айна Протсина и Ханса Пардане.

на значились полноправными дворянами и имели собственный герб. Однако местные лифляндские власти Стефана (как и ближайших его потомков) таковыми не полагали, приведя его лишь к городскому званию Риги (то есть до

Встречи в Тарту

И. Бунин

Вера Шмидт

2

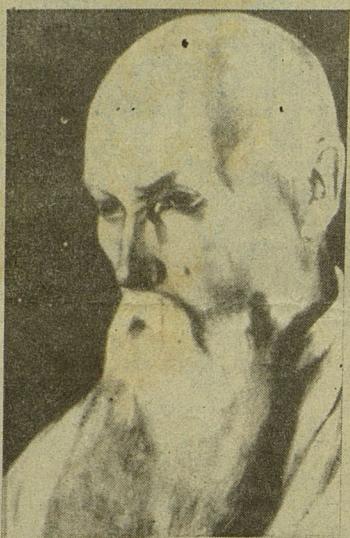
Наконец, 5 мая он приехал. Приехал на день раньше намеченного срока, но делегация от русского общества успела его встретить и была огорчена его небрежным и — как говорили — совершенно равнодушным к приготовленной встрече отношением... Бунин сказал, что устал, и просил тотчас везти его в гостиницу, что, конечно, и было сделано (хотя многих обидело его поспешное желание отделяться от встречавших). Все это узналось позже. В день приезда, уже к вечеру, подруга, вызвав меня с экзамена французского языка, вручила мне записку, писанную бунинской рукой:

«Милая Вера, я послал вам в 6 часов записку — вас не было дома. Если вы сейчас дома и можете со мной видеться, приезжайте с такси, с которым я посыпал эту записку. Я сижу в ресторане «Kuld-Lövi».

Прочла и, схватив пальто, выбежала из аудитории. Ресторан «Kuld-Lövi» в двух шагах. Через несколько минут спускаюсь ступенькам и вхожу в просторную, как бы сумеречную, низкогатую комнату и у крайнего столика, справа, под окном, вижу Бунина. Вижу старого, усталого человека, чем-то будто слегка озадаченного, словно недовольного, который легко поворачивается и — как бы узнавая — зорко смотрит на меня. Да — первое впечатление: зоркость и простота (не простодушие!); перед ним не надо и нельзя притворяться, он все равно увидит все, что должно. Однако, какой же он старый — горькие морщинки вокруг рта, мешки под глазами. Но это впечатление проходит, как только начинаем разговаривать, и он, со своей удивляющей меня добротой, не замечая ни моих красных щек, ни первой растерянности, ни сбивчивости моего рассказа, расспрашивает, откуда я так стремительно прибежала. Что еще там говорилось, не помню — помню, что играла громко музыка в соседнем зале и я прислушивалась к ней, смутно сознавая необычность этой встречи и думая, что неужели так этим и кончится и я ничего, ничего так и не высказую, кроме этих общих малозначащих фраз. Но он знал это, видел. Тут же условились, что завтра (в 3 часа пополудни) я приду в «Grand-Hôtel», где он остановился, со всем своим писанием: «Вот тогда посидим, поговорим».

Общество русских студентов?, куда Иван Алексеевич пришел в тот вечер (часу в восьмом), было тоже близко — в доме, что теперь по ул. Кингисеппа № 8, и там уже ждали его. Собрались студенты, представители от почетных членов Общества, но особенно многолюдно не было. Правда, ждали с интересом появления в скромной нашей студенческой квартире знаменитого писателя, но встречи — такой, как большинство собравшихся представляло себе, — не получилось. Бунин сидел в кресле у стены среди дам и студентов, частью обступивших его, частью глядевших на него с другого конца комнаты, — кто сел на окно, кто прислонился к дверному косяку, — сидел с тем усталым и скучающим видом, в том нерасположении к разговорам, которым он удивил уже встречавших его людей. Он даже сбивал с толку манерой задавать вопросы или делать свои замечания: «Ну можно ли с такой бородкой ходить, ведь ни на что не похоже!» (про уважаемого профессора, нашего почетного члена, портрет которого висел в столовой на стене). Было в нем в тот день и что-то очень грустное, даже застенчивое, что он будто пытался скрыть... какое-то недовольство собой: «Ну, приехал, пришел в гости — а вы-то любите ли меня?».

Не дождавшись чаю, он поднялся, уверяя, что чаю по вечерам не пьет. Тут уж я не выдержала и выскошила из соседней комнаты, где пряталась (из каких — уж не могу теперь сказать — соображений), прямо к нему на глаза. Он понял, сказал толь-

Профессор Николай Рерих.
С картины С. Н. Рериха.

суеверий и темных предрассудков могут быть избегнуты честными опытами и наблюдениями, — писал он. — Новые области общественных отношений откроются и обогатятся именно не предположениями, а научными изысканиями».

В своих эссе Рерих рассматривает позитивные и негативные этические категории. Все они находят выход в нашей личной и общественной жизни, содействуют или задерживают эволюцию человечества в целом. Поэтому Рерих настаивал на необходимости повседневно заниматься самовоспитанием, с большим терпением и неустанно расширять сознание. Это целенаправленный образ действий во имя любви к людям, на общее благо.

Вот, например, одно из высказываний Рериха о труде: «Каждый труд должен быть обоснован. Цель его должна

люди тем самым потрясают и все прочие основы».

С именем Рериха связана целая серия книг «Живой этики», которой человек мог бы руководствоваться в повседневной жизни, выверять свое поведение на фоне своей ответственности перед обществом. Введением в эту серию служит сборник эпико-философской поэзии Рериха, который выдержал у нас в стране уже не одно издание.

Еще при жизни на Родине имя «Рерих» стало обозначением целого мира идей и образов. Его мысли и творчество проникли в тайны законов эволюции, в тайны самой Природы. Высокий общественный авторитет Рериха с годами все возрастает, притягательная сила его имени все увеличивается. Только что вышедшая в издательстве «Планета», 1987,

Вклад в обществоведение

Как и подобает древнему научному центру говорить свое новое слово в науке, так город Тарту положил начало советскому рериховедению. В 1968 году в «Ученых записках Тартуского государственного университета» (Выпуск 217) впервые в мире опубликована библиография литературных произведений Н. К. Рериха. Это уникальное научное исследование и ряд других о жизни и творчестве Н. К. Рериха проводил в течение всей своей жизни экономист по профессии и рериховед по призванию — Павел Федорович Беликов (1911, Нарва — 1982, Таллин), с юности увлеченный искусством живописи и философскими идеями великого гуманиста.

Университетская публикация явилась настоящим научным открытием, так как мало кто знал о богатом и высокохудожественном наследии Рериха. За истекшие с тех пор почти двадцать лет советское рериховедение прошло немалый путь, начало которому было положено в Эстонии, в Тарту.

Значительное место в литературном наследии Рериха занимает почти тысяча публицистических очерков, объединенных самим Н. К. Рерихом в единый цикл «Моя жизнь. Листы дневника». Основным содержанием цикла являются размышления Рериха о задачах науки и искусства, о текущих общественных и политических событиях, об этическом и эстетическом воспитании. Закономерности этики, по мысли Рериха, имеют аналогии с более общими законами мироздания. Он связывал этическую проблематику с научным познанием окружающего мира. «Сколько

Николай Рерих. «Канченджанга». 1944.

быть ясна. Если труженик знает, что каждое его действие будет полезно человечеству, то и силы его приумножатся и сложатся в наиболее убедительное выражение. Труд всегда прекрасен. Чем больше он будет осмыслен, тем и качество его вознесется и сотворит еще большее общественное благо... Повторяю и твержу, если человек не знает, зачем он стремительно кружится над всею Землею в быстрейшем воздушном корабле, то даже само солнце, сама красота пространства станут для него оловянной заслонкой».

Рерих указывал на необходимость широкого сотрудничества во всех областях жизни и на то, что начало сотрудничеству закладывается в семье. «Без семейной, дружеской и общественной взаимности, — указывал он, — какая же может быть речь о государственности? Потрясая основы общежития,

книга «От Алтая до Гималаев. По маршруту Центрально-азиатской экспедиции Н. К. Рериха» — плод многолетнего изучения научного наследия Н. К. Рериха. Автор — видный советский индолог, лауреат международной премии имени Джавахарлала Неру за выдающийся вклад в дело укрепления индо-советской дружбы Людмила Васильевна Шапошникова говорит, что в своих исследованиях истории человечества «Рерих выбрал уровень культурно-исторической эволюции». И мы действительно видим в мироощущении Н. К. Рериха космический обзор жизни на Земле. И для нас стала совершенно явной ее глобальная взаимообусловленность, но только теперь, когда человечество стоит на грани экологической катастрофы и ядерного уничтожения.

КИРА МОЛЧАНОВА